

национальном и международно-правовом аспектах. Внутренний суверенитет означает не только преобладание власти, но и право граждан влиять на власть, использовать власть в своих интересах. Народность государственной власти означает происхождение государственного суверенитета от воли народа, которая является источником власти по определению большинства современных конституций.

Литература

1. Любашиц В.Я. Теория государства и права. – М., 2003.
2. Проблемы общей теории права и государства / под ред. В.С. Нерсисянца. – М., 2002.
3. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России. – М., 1999.
4. Проблемы общей теории права и государства / под ред. В.С. Нерсисянца. – М.: Норма, 2004.
5. Теория государства и права / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М., 2004.
6. Конституционное законодательство России / под ред. Ю.А. Тихомирова. – М., 1999.
7. Теория государства и права / отв. ред. В.Д. Перевалов. – М., 2004.
8. Мишин А.А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. – М., 2001.
9. Яценко И.С. Конституционное право Российской Федерации. – М., 2003.
10. Крылов Б.С. Конституционные основы российского федерализма. В кн. Конституционное законодательство России / под ред. Ю.А. Тихомирова. – М.: Городец: Формула права, 1999.
11. Головацкая М.В. Преемственность в форме государства (Теоретико-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. – Коломна, 2003.

Problems of Definition of Essence and Form of Russian state

*S. A. Pravkin, Candidate of Jurisprudence, Associate Professor of State and Legal Disciplines Department
Moscow University after S.Yu. Witte*

In the article the problems of definition of the essence and forms of the modern Russian state, their relationship and mutual influence are considered.

Key words: form of government, type of state, provided by libertarian theory of law.

**КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА НА
КОМПЕНСАЦИЮ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ЖИЗНИ И
ЗДОРОВЬЮ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

*Анна Максимовна Рабец, д.ю.н., профессор,
профессор кафедры трудового, социального и семейного права
Тел. (495)748-67-67, e-mail: rabecjur@mail.ru
Российский государственный социальный университет
<http://www.rgsu.net>*

В статье рассматриваются конституционные основы права человека на компенсацию вреда, причиненного жизни и здоровью в Российской Федерации.

Ключевые слова: вред жизни и здоровью, компенсация вреда, Конституция РФ.

Чем дальше во времени мы отстоим от момента, когда российское общество встало перед необходимостью глобального и качественного обновления всех сфер его существования, в том числе правового регулирования всей системы общественных отношений, и перед принятием новой конституции, тем очевиднее становится тот факт, что действующая Конституция РФ действительно стала основой правового регулирования всех общественных отношений, что ее возможности и резервы как основного источника правового регулирования далеко не исчерпаны. Таким образом, Конституция еще в

А.М. Рабец

течение многих лет будет, если можно так выразиться, «питательной средой» для развития текущего законодательства. В аспекте сказанного не является исключением право человека на компенсацию вреда, причиненного его здоровью и жизни его родных и близких. Юбилейная дата принятия действующей Конституции РФ, вне всяких сомнений, является своеобразным импульсом для более углубленного анализа вопросов о системе прав и свобод человека. В данной работе как раз и ставится вопрос о том, можно ли утверждать, что право на компенсацию вреда, причиненного жизни и здоровью человека, также входит в эту систему и, следовательно, имеет конституционную основу.

Статья 2 Конституции РФ закрепляет одно из важнейших положений, которое позволяет утверждать, что Российская Федерация является правовым государством. Этим положением определено, что «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». При этом имеются в виду не только права и свободы, перечисленные в главе 2 Конституции РФ, но и такие, которые прямо не перечислены в ней, но относятся к числу общепризнанных. Об этом свидетельствует положение, установленное в п. 1 ст. 55 Конституции. «Перечисление в Конституции Российской Федерации основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина». Представляется, что именно к их числу относится право человека на компенсацию вреда, причиненного жизни и здоровью. Это суждение опирается на целый ряд соображений, нуждающихся в более детальном рассмотрении.

Тот факт, что право на компенсацию вреда, причиненного жизни и здоровью, относится к разряду общепризнанных, не вызывает сомнений. Само по себе оно является имущественным правом, по своему характеру вторичным и производным от таких основополагающих личных неимущественных абсолютных прав, как право на жизнь и право на охрану здоровья. В свою очередь, объектами этих прав являются такие важнейшие личные нематериальные блага, как жизнь и здоровье, которые, по выражению В.С. Толстого, обеспечивают само существование физического лица [1; с. 80]. Эти личные нематериальные блага и защищаемые ими личные неимущественные права признаются Конституцией. Правда, в тексте Конституции это не всегда выражено в явной форме, однако бесспорно, что там, где это прямо не выражено, это, безусловно, должно подразумеваться.

Так, в ст. 2 Конституции среди высших ценностей на первом месте стоит человек. При этом ценность представляет человек не только как личность, обладающая правовым статусом, куда и входят права и свободы, но и человек как биологический вид, могущий существовать лишь в процессе жизни. С учётом этого в ст. 20 Конституции закреплено, что «Каждый имеет право на жизнь». Право на жизнь является стержневым в том смысле, что многие конституционные права, как, например, право на охрану здоровья, имеют смысл лишь в отношении живого и живущего человека, а потому его конечная цель – способствовать реализации права на жизнь. Как отмечается в правовой литературе, это право гарантируется самой Конституцией и другими отраслями законодательства [2; с. 175].

Правда, в самом тексте п. 2 ст. 20 Конституции решается достаточно узкая задача, в частности, предусматривается единственный случай, когда государство не только не гарантирует право человека на жизнь, но может отнять ее. Это может произойти лишь при применении смертной казни, которая может устанавливаться впредь до ее отмены в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни. В остальных случаях признание, соблюдение и защита права на жизнь гарантируется всеми отраслями права. Это положение настолько очевидно, что его совсем не обяза-

тельно закреплять в явной (текстовой) форме, хотя следует признать, что нормы, содержащиеся в положениях Конституции, воспринимались бы значительно острее, если бы это было прямо закреплено.

Положение о том, что здоровье как важнейшее личное благо человека охраняется государством, закреплено в ст. 7 Конституции, и потому его охрана рассматривается в числе основ конституционного строя РФ как социального государства, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Понятно, что о здоровье можно говорить лишь в отношении живого человека; вне жизни здоровье как личное благо не может иметь ценности, однако здоровье определяет качество жизни, что прямо следует из смысла п. 1 ст. 1 Федерального закона от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», в котором впервые в РФ закреплено понятие здоровья как личного неимущественного неотчуждаемого блага, хотя оно давно было закреплено в Уставе Всемирной организации здравоохранения и широко использовалось в юридической науке. Согласно данному определению здоровье – это состояние физического, психического и социального благополучия человека, при котором отсутствуют заболевания, а также расстройства функций, органов и систем организма.

Поэтому жизнь и здоровье неразрывно связаны между собой. С учетом этой неразрывной связи между указанными благами было бы логичнее закрепить в Конституции наряду с правом на жизнь также и право на здоровье как личное неотчуждаемое право с его такими характерными правомочиями, как право на неприкосновенность здоровья, право на распоряжение своим здоровьем, право на предотвращение вреда здоровью и право на его компенсацию, если вред был все же причинен [3; с. 12].

Можно лишь частично согласиться с Л.В. Домниковой, которая рассматривает указанные правомочия как один из аспектов права на охрану здоровья, понимая его как право, непосредственно связанное с личностью его носителя, и как социально-экономическое право. Системный анализ ст. 41 Конституции РФ, сопоставление ее с другими статьями, расположенными до и после указанной статьи, приводит к выводу о том, что при разработке Конституции ст. 41 была вполне осознанно и, по мнению разработчиков, логично размещена в системе конституционных положений, признающих и гарантирующих важнейшие социально-экономические права. Конечно, вряд ли можно признать удачным помещение этой статьи перед положением о праве на жилище; положение, направленное на охрану важнейшего для человека блага – здоровья – оказалось далеко позади статей Конституции, признающих и гарантирующих свободу труда, право на отдых и на социальное обеспечение. В аспекте сказанного не лишне отметить, что и в п. 2 ст. 7 Конституции также указано, что в Российской Федерации охраняется «труд и здоровье» людей, а не наоборот: здоровье и труд. Можно не соглашаться также с решением разработчиков Конституции о том, что признаваемые государством политические права и свободы человека и гражданина оказались размещенными ближе к личным правам, чем важнейшие для жизни человека социально-экономические права, которые так же, как и личные права, являются правами человека независимо от того, относится ли их обладатель к числу граждан РФ, иностранных граждан или лиц без гражданства, в то время как многие из политических прав, закрепленных в Конституции, являются правами только гражданина РФ. Несомненно, что качество Конституции РФ существенно выиграло бы, если бы главы 1 и 2 разрабатывались с таким расчетом, чтобы на первом месте были перечислены наиболее важные и ценные личные нематериальные и социальные блага и защищающие их личные и социально-экономические права.

Однако, как бы критически ни оценивалась Конституция в смысле логики или иных критериев размещения положений об основных правах и свободах человека и гражданина, следует констатировать, что право на охрану здоровья мыслилось разработчиками именно как одно из социально-экономических прав человека. Об этом сви-

детельствует, во-первых, то, что в п. 1 ст. 41 Конституции это право сформулировано как право «на охрану здоровья и медицинскую помощь»; во-вторых, сам характер гарантий, обеспечивающих реализацию не права на здоровье как личного права, а именно права на охрану здоровья как социально-экономического права. Не случайно важнейшей из таких гарантий является бесплатность обеспечения медицинской помощи в учреждениях государственной и муниципальной систем здравоохранения за счет соответствующего бюджета, страховых взносов и других поступлений. Таким образом, гарантированность права на охрану здоровья сводится к гарантированности бесплатной (в объемах программ государственных гарантий) и доступной медицинской помощи.

Важной гарантией, обеспечивающей реализацию права человека на охрану здоровья, является положение, предусмотренное п. 3 ст. 41 Конституции, согласно которому «Соккрытие должностными лицами фактов и обстоятельств, создающих угрозу для жизни и здоровья людей, влечет за собой ответственность в соответствии с федеральными законами». Это положение следует отнести к числу важнейших правовых гарантий реализации права на охрану здоровья, поскольку меры юридической ответственности реализуются в особом охранительном правоотношении между правонарушителем и государством. Однако и эта гарантия не направлена непосредственно на охрану тех правомочий, связанных исключительно с личностью их обладателя, которые Л.В. Домникова включает в состав права на охрану здоровья. При сокрытии должностными лицами фактов и обстоятельств, создающих угрозу для жизни и здоровья людей, ответственность может наступить не перед личностью (хотя и это не исключено, в том числе в виде компенсации вреда, причиненного жизни или здоровью), а перед государством независимо от того, пострадала конкретная личность или нет. Следовательно, и данная гарантия обеспечивает реализацию права на охрану здоровья не как личного, а как социально-экономического права.

Таким образом, положения, содержащиеся в ст. 41 Конституции, полностью отражают понимание охраны здоровья как системы мер экономического, политического, правового, социального, культурного, научного, медицинского, в том числе санитарно-противоэпидемического (профилактического) характера, осуществляемых органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, организациями и должностными лицами, иными лицами, гражданами в целях профилактики заболеваний, сохранения и укрепления физического и психического здоровья каждого человека, поддержание его долголетней активной жизни, предоставление ему медицинской помощи (п. 2 ст. 1 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации») [4]. Несмотря на то, что, как отмечалось в правовой литературе по поводу практически аналогичного определения, закрепленного в прежнем законодательстве об охране здоровья, в этом определении явно нарушены элементарные логические нормы, его неоспоримое преимущество заключается уже в самом его существовании [5; с. 9].

Из сказанного следует, что указанные выше правомочия, внутренне присущие личности их обладателя и неразрывно связанные с нею, предполагающие при их реализации активные действия не столько государства, сколько самой личности, не следует включать в состав социально-экономического права на охрану здоровья. Как уже отмечалось, они должны расцениваться как составная часть права человека на здоровье. Тот факт, что право на здоровье в Конституции прямо не закреплено, свидетельствует лишь о том, что среди общего права на здоровье особо выделено и гарантировано право человека на охрану здоровья как важнейшее социально-экономическое право, обеспечиваемое целым рядом гарантий, и как соответствующая обязанность государства. Отсутствие в Конституции положения, закрепляющего более общее право – право человека на здоровье, – отнюдь не свидетельствует о том, что это право не признается и не защищается государством. Более того, в целом ряде норм Конституции содержатся положения, толкование которых дает основания для вывода о признании как права на

здоровье в целом, так и отдельных его правомочий. Так, в п. 2 ст. 21 Конституции закреплено положение, согласно которому никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому обращению или наказанию. Никто не может без добровольного согласия быть подвергнут медицинским, научным или иным экспериментам. В известной мере (хотя и достаточно отдаленно) право человека на компенсацию вреда, причиненного жизни и здоровью, связано с его правом на охрану частной жизни (ст. 24 Конституции РФ). К числу информации о частной жизни лица, сбор, хранение и распространение которой не допускается, относятся сведения о состоянии здоровья и иные медицинские данные, которыми могут воспользоваться недобросовестные лица в целях незаконной трансплантации органов и тканей, для медицинских экспериментов и иных целей, создающих угрозу личной безопасности человека. Поэтому в п. 2 ст. 24 Конституции предусмотрено, что органы государственной власти, органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом.

Право на компенсацию вреда, причиненного жизни и здоровью, неразрывно связано с другим социальным правом, хотя прямо и не названным в качестве такового, но закрепленным в п. 3 ст. 37 Конституции РФ: «Каждый имеет право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены». Более сжато это право принято именовать правом на здоровые и безопасные условия труда. При крупномасштабных катастрофах и авариях техногенного и экологического характера, а также в иных случаях, когда вред жизни или здоровью человека причиняется вследствие юридических событий, обязанность по компенсации такого вреда исполняется государством через систему социального обеспечения. С учетом этого в соответствии с п. 1 ст. 39 Конституции РФ каждому гарантируется социальное обеспечение в случае болезни, инвалидности и потери кормильца. Поскольку в настоящее время возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью работника в результате несчастного случая или профессионального заболевания при исполнении им трудовых обязанностей является составной частью обязательного социального страхования, имеются все основания утверждать, что роль права социального обеспечения как отрасли права в регулировании общественных отношений в сфере компенсации вреда, причиненного жизни и здоровью, существенно возрастает. Таким образом, значительная часть общественных отношений в данной области регулируется уже не нормами частного права, а нормами публично-правовых отраслей, причем следует констатировать наличие тенденции к возрастанию удельного веса норм публичного права в регулировании этих отношений как в количественном, так и в качественном отношении.

Анализ п. 3 ст. 41 Конституции и его сопоставление со ст. 42 дает все основания полагать, что Конституция практически вплотную подошла к явно выраженному в ее тексте признанию права на компенсацию вреда, причиненного жизни или здоровью. Как уже отмечалось, в п. 3 ст. 41 закреплено, что сокрытие должностными лицами фактов и обстоятельств, создающих угрозу для жизни или здоровья людей, влечет за собой ответственность в соответствии с федеральным законом. В ст. 42 прямо предусмотрено, что «Каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, на достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическими правонарушениями».

О том, что право человека на компенсацию вреда, причиненного жизни и здоровью, фактически признаётся Конституцией, свидетельствуют и другие ее положения. Так, в ст. 52 закреплено право потерпевшего от преступления на компенсацию причиненного ущерба. В ст. 53 предусмотрено, что «Каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц». Не вполне удачным представляется употребление различных терминов в Конституции для обозначения практически

одного и того же понятия. Так, если в ст.ст. 42 и 52 употребляется слово «ущерб», то в ст. 53 слово «вред», хотя, в сущности, речь идет об одном и том же: о компенсации вреда, причиненного жизни, здоровью или имуществу человека указанным неправомерным поведением. Поскольку в законе, в практике и в правовой доктрине понятия «ущерб» и «вред» давно уже не идентичны и «ущерб» является лишь одной из разновидностей более общего понятия – «вред», то такое различное словоупотребление может породить дискуссию и неоднозначное толкование в правоприменительной практике. Было бы более целесообразно употреблять единое понятие «вред», которое бы охватывало, в том числе, и моральный, а не только имущественный вред.

Вполне естественно и закономерно, что в ст. 3 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» предусмотрено, что законодательство об охране здоровья основано на Конституции Российской Федерации. Положения, содержащиеся в ст. 41 Конституции, не только воспроизведены, но и детализированы в ст. 18 названного Закона, согласно которой «Право на охрану здоровья обеспечивается охраной окружающей среды, созданием безопасных условий труда, благоприятных условий труда, быта, отдыха, воспитания и обучения граждан, производством и реализацией продуктов питания». Что касается непосредственно права на компенсацию вреда, причиненного жизни и здоровью, то вполне объяснимо, что в законодательстве об охране здоровья это право закрепляется лишь через ответственность медицинских и фармацевтических организаций и их работников за причинение такого вреда (пп. 1–4 ст. 98 названного Закона). Поэтому основная нагрузка по реализации права человека на компенсацию вреда, причиненного жизни и здоровью, по-прежнему возлагается на гражданское законодательство с отмеченными выше оговорками.

Литература

1. Толстой В.С. Личные неимущественные отношения. – М., 2006.
2. Конституция Российской Федерации. Энциклопедический словарь / Авторский коллектив: В.А. Туманов, В.Е. Чиркин, Ю.А. Юдин; руководитель авторского коллектива С.М. Шахрай. – Москва: научное издание Большой российской энциклопедии, 1995.
3. Домникова Л.В. Гражданско-правовые способы реализации и защиты права на охрану здоровья: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006.
4. Федеральный закон РФ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ // Российская газета. 2011. № 263.
5. Рабец А.М. Обязательство по возмещению вреда, причиненного жизни и здоровью. – М.: Федеральный фонд обязательного медицинского страхования, 1998.

Constitutional Bases of Human Rights to Compensation of Life and Health Harm in Russian Federation

*Anna Maksimovna Rabets, Doctor of Jurisprudence, Professor, Professor of Labor, Social and Family Law Department
Russian State Social University*

In the article the constitutional bases of the human rights to compensation for life and health harm in the Russian Federation are considered.

Key words: life and health harm, compensation for harm, Constitution of Russian Federation